

О возможной интерполяции некоторых математических примеров во «Второй аналитике» Аристотеля

© 2019 г. А.Т. Юнусов

Институт Философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12 стр.1.

E-mail: forty-two@mail.ru

Поступила 20.08.2018

В настоящей статье я хотел бы осторожно предложить гипотезу, направленную на решение ряда проблем интерпретации «Второй аналитики» Аристотеля. Эта гипотеза заключается в том, что некоторые примеры (прежде всего – пример единицы), которыми во «Второй аналитике» иллюстрируется концепция начал доказательного знания, являются интерполяциями позднего по сравнению с Аристотелем редактора текста. Мои аргументы таковы. Нам известно, что неавторская редакция текстов Аристотеля вероятна. В случае «Второй аналитики» она вероятнее, чем в случае других трактатов. Примеры – как раз сфера, где следует ожидать редактуры. Примеры, которыми иллюстрируется доктрина начал, явно противоречат друг другу. В случае самого частого из этих примеров – примера единицы – мы имеем по крайней мере одно место (93b24–25), относительно которого мы можем быть почти уверены в интерполяции, что дает нам дополнительное основание заподозрить и другие случаи его употребления. Мы можем также предположить, откуда был взят пример единицы предполагаемым редактором (88a33) и почему он так упорно им пользовался. Высказанные предположения позволяют объяснить наличие сразу нескольких фундаментальных противоречий в имеющемся тексте «Второй аналитики».

Ключевые слова: античная философия, Аристотель, «Вторая аналитика», первые начала, примеры, единица.

DOI: 10.31857/S004287440006055-5

Цитирование: *Юнусов А.Т.* О возможной интерполяции некоторых математических примеров во «Второй аналитике» Аристотеля // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 165–177.

On Possible Interpolation of Certain Mathematical Examples in Aristotle's *Posterior Analytics*

© 2019 г. Artem T. Iunusov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: forty-two@mail.ru

Received 20.08.2019

In the following article I cautiously propose a hypothesis aimed towards resolving several problems of the text of Aristotle's *Posterior Analytics*. The hypothesis is that some of the examples that are used in *Posterior Analytics* to illustrate its doctrine of the first principles of demonstrative knowledge (most importantly – the example of unit), are in fact interpolations of a later editor of the text. My argument is the following one. We know, that in case of Aristotle's texts some kind of editorial work by one or several later editors is most probable. In case of *Posterior Analytics* it is more probable, than in case of other texts – if only for the fact of its exceptional convolutedness and proneness to contradict itself. Examples are exactly where we are to anticipate editorial work to be found. The examples, with which the doctrine of the first principles are illustrated contradict each other more often than not. In case of the most frequent of those examples – the example of the unit – there is at least one place (93b24-25) of which we can be fairly sure that it was interpolated (as it both does not illustrate the thesis it is supposed to illustrate and breaks the continuity of the text). This gives us additional grounds to suspect other instances of the same example. We can also suggest from where the example of the unit was drawn by a hypothetical editor and why was it used by him so stubbornly. The proposed suggestions would help to explain several of the major contradictions extant in the text of *Posterior Analytics* as we have it.

Key words: ancient philosophy, Aristotle, *Posterior Analytics*, first principles, examples, unit.

DOI: 10.31857/S004287440006055-5

Citation: Iunusov, Artem T. (2019) "On Possible Interpolation of Certain Mathematical Examples in Aristotle's *Posterior Analytics*", *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2019), pp. 165–177.

В настоящей работе я хотел бы предложить гипотезу, которая должна облегчить чтение одного из самых запутанных произведений Аристотеля – «Второй аналитики», позволить взглянуть на него как на трактат, содержащий если не связную доктрину, то по крайней мере ее зародыш. Я должен сразу заметить, что это будет в целом плохая гипотеза – однако достойной рассмотрения ее делает то, что она хоть как-то пытается объяснить имеющиеся в тексте противоречия, тогда как прочие подходы к тексту «Аналитики» зачастую эти противоречия просто игнорируют. Я не могу сказать, что я полностью убежден в правильности этой гипотезы: предполагаемый ею способ обращения с текстом Аристотеля смущает и меня самого. Однако когда остальные подходы ко «Второй аналитике» уже испробованы и принесли мало пользы, настает время и для плохих гипотез.

Суть предлагаемой гипотезы заключается в следующем: некоторые примеры, которыми во «Второй аналитике» иллюстрируется концепция начал доказательного знания, являются интерполяциями позднего по сравнению с Аристотелем редактора

текста — возможно, они добавлены в ходе обработки текста во время издания Андроника или еще раньше, кем-то из непосредственных преемников Аристотеля. Прежде всего предположение касается устойчиво воспроизводящихся в тексте примеров единицы и точки, но возможно также рассмотреть вопрос о включении редактором в текст некоторых других математических иллюстраций.

Прежде чем изложить саму эту гипотезу во всех должных подробностях, я должен ясно указать, что я вполне ясно понимаю характер и глубину ее недостатков. Прежде всего, она представляет собой попытку атетезы частей текста не на основании свидетельств имеющихся у нас рукописей, а на основании чисто теоретических соображений. Любые попытки изменить имеющийся текст на философских, а не филологических основаниях — это плохо. Попытка изменить текст, потому что он не поддается интерпретации, в каком-то смысле всегда отдаст жульничеству. Немедленно становится возможен справедливый упрек в том, что производящей подобные манипуляции с текстом просто недостаточно умен или грамотен, чтобы понять его так, как он перед ним есть.

Я все это вполне понимаю. Поэтому хотя ниже я буду пытаться со всей серьезностью отстоять точку зрения, что текст должен быть изменен, я должен заранее заметить: я ни в коем случае не готов решительно настаивать на безоговорочной верности произведенного в данной статье анализа; скорее я хотел бы предложить определенные соображения на суд коллег — с тем, чтобы их полезность для интерпретации текста была оценена кем-то за пределами моего собственного пристрастного ума.

Итак, что именно в тексте «Второй аналитики» я предлагаю поставить под сомнение? В целом я предлагаю отнестись с подозрением к большинству примеров, которыми проиллюстрирована доктрина начал доказательного знания в (*An. Post.* I.1 71a11–17; I.2 72a14–24; I.10 76a31–b22 и II.9); в настоящей статье я, однако, сосредоточусь прежде всего на том, чтобы попытаться доказать тезис о том, что пример единицы, которым иллюстрируется учение о таком виде начал доказательного знания, как гипотезы в (*An. Post.* I.2 72a21–24; I.10 76a34–36; 76b4–5; II.9 93b24–25), а также, возможно, в (I.1 71a15–17) не является примером самого Аристотеля, но был неудачно помещен в текст более поздним редактором, чтобы пояснить мысль Аристотеля. Ниже я постараюсь привести все соображения в пользу этого тезиса, — от самых общих и малообязывающих и до самых, на мой взгляд, конкретных и веских.

I. Исторические свидетельства, а также характер дошедших до нас текстов позволяют нам быть почти уверенными, что корпус Аристотеля в той или иной мере подвергался неавторской редакторской обработке со стороны его издателей. Страбон (XIII, I, 54) сообщает историю утраты и повторного обнаружения библиотеки Феофраста, в которой находились и тексты Аристотеля, и связывает издательскую и редакторскую работы над корпусом текстов Аристотеля с именами Апелликона и затем Тиранниона; Плутарх (*Sulla*, 26), повторяя в общих чертах историю Страбона, присовокупляет к ней имя Андроника Родосского и, кажется, возлагает некоторые издательские функции также и на него. Из прочих релевантных в данном вопросе свидетельств стоит упомянуть замечание Порфирия о том, что Андроник разделил сочинения Аристотеля и Феофраста на отдельные трактаты (*Vita Plotini*, 24, 9–11)¹. У нас есть существенные основания сомневаться во многих деталях передаваемой этими авторами истории², и в целом новаторство издания Андроника, то есть объем введенного в этом издании в обращение нового материала, не стоит, как это часто делается, преувеличивать³, но костяк истории (новое издание текстов Аристотеля на основании вновь найденных и отредактированных текстов его собственной библиотеки), судя по всему, вполне заслуживает доверия.

Даже если допустить, что работа Тиранниона и Андроника над текстом была минимальной⁴, это не снимает проблемы его существенной редакторской обработки, но только перемещает фокус нашего внимания с поздних редакторов на более ранних: на первых перипатетиков, непосредственных наследников Аристотеля в его школе.

Многие исследователи указывают на существенную роль ранней перипатетической традиции в формировании известных нам текстов Аристотеля. Я не готов согласиться с экстремальными тезисами Цюрхера [Zürcher 1952], который считает, что весь дошедший до нас аристотелевский корпус принадлежит Феофрасту, а философию Аристотеля следует искать в его утраченных диалогах. И даже, например, выводы Грэйффа [Grayeff 1956, 110–120; Grayeff 1974, 77–85], предполагающего, что в любом произведении корпуса мы можем обнаружить и различить наряду с рукой Аристотеля три-четыре слоя перипатетических дискуссий по поводу тезисов изначального текста, кажутся мне слишком сильными. Скорее, я хотел бы твердо, но осторожно констатировать роль раннего Ликея в редакторской обработке записей учителя. Симпликий сообщает нам о корреспонденции между Евдемом и Феофрастом, касающейся вопроса о правильном варианте текста определенного отрывка из «Физики» Аристотеля (*In. Phys.* 923.7–16): обсуждение этого вопроса вполне можно расценивать как косвенное свидетельство того, что оба ученика Аристотеля были вовлечены в процедуру редакторского διόρθωσις⁴ текстов учителя. Относительно Евдема у нас также есть свидетельство традиции, связывающей с его именем редактирование текста «Метафизики»: псевдо-Александр⁵, комментируя *Z* «Метафизики», замечает, что ему кажется, что два определенных пассажа разделил в ходе своей редактуры текста Евдем (*In Metaph.* 515.19–22). Асклепий в куда более сомнительном сообщении о судьбе текста «Метафизики» (*In Metaph.* 4.9) тем не менее также связывает его историю с именем Евдема⁶. Некоторые исследователи⁷ прямо приписывают последнему редакцию «Метафизики» в X книгах, упоминание которой встречается в каталогах сочинений Аристотеля. Название «Евдемова этика» также может отсылать к редакторской роли Евдема в обработке этого текста.

Все указанное относится к свидетельствам доксографической и комментаторской традиции. Однако в нашем распоряжении есть и более сильные свидетельства в пользу тезиса о неавторском редактировании текстов Аристотеля — свидетельства рукописной традиции. Самым серьезным и хорошо исследованным является, конечно, случай «Метафизики», где две имеющиеся у нас ветви традиции (обозначаемые вслед за Харлфингером [Harlfinger 1979, 7] как α -традиция β -традиция), вне всякого сомнения представляют собой именно две разные редакции текста⁸. В случае «Аналитик» имеющаяся в нашем распоряжении рукописная традиция, насколько мне известно, не знает подобного разделения⁹. Однако случая «Метафизики» достаточно для того, чтобы показать принципиальную возможность достаточно значительного редакторского вмешательства в текст Аристотеля.

В целом мы не можем быть вполне уверены, когда и при каких обстоятельствах «Вторая аналитика» стала тем текстом, который мы сегодня имеем перед собой. Логические трактаты Аристотеля могли принять вид, подобный сегодняшнему, уже в руках непосредственных наследников Аристотеля¹⁰ — Евдема, Феофраста или, например, Нелея¹¹, — могли быть изданы в нынешнем виде Тираннионом и Андроником, а могли подвергнуться и еще более поздней редакторской обработке¹². Но и в первом, и во втором случае сомневаться в некоторой редакторской обработке текста, вообще-то едва ли предназначавшегося изначально для широкой публикации, приходится едва ли.

2. Учтявая, что «Вторая аналитика», по общему признаку, является одним из самых запутанных и противоречивых текстов корпуса, разумно предположить, что по крайней мере часть вины здесь лежит именно на издателе, подобравшем фрагменты, составляющие в настоящее время ее текст, скомпоновавшем их друг с другом, и возможно, дополнившем их в меру своего разумения. Все это далеко от достоверного, и само по себе, в отдельности от других, это соображение не обладает равным счетом никакой реальной силой. Но все же это возможно, и в совокупности с другими аргументами эта возможность должна быть со всей серьезностью учтена.

3. Если дополнения текста действительно происходили, то примеры являются одним из тех элементов текста, в случае которых их естественнее всего ожидать: в конце концов, пример для редактора — один из самых одновременно удобных и безопасных способов улучшить текст. Иллюстрация теоретического тезиса примером менее

всего искажает текст. Пример легче всего вставить в уже имеющееся рассуждение без нарушения его целостности. Вместе с тем пример может естественным образом казаться чрезвычайно нужным при отсутствии для читателя полной ясности, о чем идет речь в конкретном месте. При этом, дополняя текст примером, редактор может не опасаться искажения мысли изначального текста в случае, если он хорошо понимает то место, для которого он предлагает пример; одновременно нетрудно представить себе ситуацию, в которой редактор дополняет текст примером, поскольку ему кажется, что он хорошо его понимает, тогда как в действительности это не так — что приводит к формированию противоречий в тексте, получившимся в итоге подобной интерполяции примера. Нечто подобное, я полагаю, действительно может иметь место в случае использования единицы в качестве примера в указанных местах «Второй аналитики».

Нам даже известны случаи подобной интерполяции примеров в текст Аристотеля — так, в «Метафизике» (*Metaph.* 981a11–12) медицинские примеры, имеющиеся в других кодексах, отсутствуют в кодексе A^b (редакция β) — Йегер прямо говорит об интерполяции в тексте иной редакции, хотя и предполагает, что это могла быть поздняя вставка самого Аристотеля [Jaeger 1957, X–XI]¹³.

4. Время перейти от общих соображений к доводам, связанным с текстом и учением именно «Второй аналитики». Здесь я снова пойду от более общих и умозрительных аргументов к более конкретным и текстуально подкрепленным.

Наиболее теоретический и умозрительный из аргументов, который следует рассматривать как рамку для остальных доводов, заключается в том, что атетеза примеров с единицей может позволить нам решить одну из самых серьезных проблем интерпретации «Второй аналитики» — проблему природы такого вида начал доказательного знания, как «гипотезы».

У меня нет в рамках данной статьи возможности обсуждать эту проблему подробно. Однако кратко можно сказать следующее. Одним из основных тезисов первой книги «Второй аналитики» является утверждение, что всякое умозаключение, которое можно в точном смысле назвать доказательством, исходит из так называемых «начал» (*ἀρχαί*), то есть посылок, которые в свою очередь не могут быть доказаны и должны быть постулированы (*AnPost* I.2 71b 16ff.). Аристотель выделяет несколько типов таких начал: акисомы, или общие для нескольких наук начала; начала, постулирующие *τί ἐστι*, то есть *что* нечто есть (или определения); начала, постулирующие *ὅτι ἐστι*, что нечто *есть* (или гипотезы) (I.2 72a 14ff.). С последними и связана наша проблема. Коротко говоря, она заключается в том, что существует две несовместимые друг с другом интерпретации той функции, которую этот вид начал выполняет в том рецепте построения доказательного знания, который предлагает Аристотель. Согласно одной интерпретации, гипотезы имеют экзистенциальную природу — то есть являются пропозициями, которые постулируют существование некоторых вещей (например, «единица существует»). Согласно другой, их природа предикативна — то есть они являются пропозициями, приписывающими предметам свойства (допустим, «единица равна любой другой единице»). Во «Второй аналитике» можно найти свидетельства в пользу и той, и другой интерпретации, однако они не могут быть верными вместе.

В других своих работах (прежде всего [Юнусов 2018]), я показал, что вопреки видимости, подавляющее большинство свидетельств на стороне пропозициональной интерпретации. В действительности, насколько я могу судить, *единственным* серьезным свидетельством в пользу экзистенциальной интерпретации гипотез являются те примеры, которые приводятся для иллюстрации гипотез во «Второй аналитике» (*An. Post.* I.1 71a15–17; I.2 72a21–24; I.10 76a34–36; 76b4–5; II.9 93b24–25). И все говорит о том, что это очень серьезное свидетельство — в конце концов, откуда, ежели не из примеров, мы должны понимать, что имеет в виду под тем или иным понятием автор. Однако если внимательно присмотреться к этим примерам, то можно заметить одну их важную особенность: почти каждый из них противоречит в чем-то почти каждому другому; теоретическая часть того, что должны иллюстрировать примеры, при этом зачастую совпадает. Это дает возможность предположить, что на изначальный костяк теоретических высказываний были неудачно нанизаны более поздние примеры.

5. Рассмотрим некоторые случаи.

В (*An. Post.* I.1 71a11–17) Аристотель говорит, что для одних из тех вещей, которые нужно знать заранее, чтобы приступить к познанию (предположительно, речь о началах доказательного знания), нужно постулировать, *что* они есть ($\tau\acute{\iota}$ ἔστι), или же что они значат ($\tau\acute{\iota}$ σημαίνει); для других – что они *есть* ($\delta\tau\acute{\iota}$ ἔστι); для третьих – и то, и другое. Похожие (хотя и со своими особенностями) теоретические высказывания можно найти в (I.2 72a18–21; I.10 76a32–34; 76b3–11; 11–22). Однако, когда дело доходит до примеров, создается ощущение полного хаоса.

а) В (76b20–21) один из стандартных для Аристотеля примеров «аксиом», или общих начал знания, – «если отнять от равных количеств равные количества, то останутся равные количества» – использован как иллюстрация того, для чего нужно знать значение: здесь говорится, что если мы и не постулируем значение для таких вещей, как этот принцип, то это потому что оно нам и так известно. Последнее явно предполагает, что мы знаем и пониманием это значение. Вместе с тем в (71a13–14) сказано, что для другого стандартного примера аксиом, принципа противоречия, нужно знать $\delta\tau\acute{\iota}$ ἔστι, и *только* его, то есть, поскольку мы имеем здесь дело с трихотомией – 1) нужно знать $\delta\tau\acute{\iota}$ ἔστι 2) нужно знать значение 3) нужно и то, и другое, – и принцип противоречия используется в качестве примера для (1) – то для него как раз *не нужно* понимать его значение. Таким образом, в рамках одного примера мы имеем утверждение, что в случае аксиом нужно понимать их значение, тогда как в рамках другого – прямо противоположное утверждение.

б) В (76b3, 6–7, 11, 15) сказано, что тем, для чего принимается только значение, всегда являются сущностные свойства ($\kappa\alpha\theta' \alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}$ ὑλάρχοντα/ $\kappa\alpha\theta' \alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}$ λάθη), что подкреплено примерами таких свойств в (7–11). Однако в (71a14–15) и (76a35) в качестве примера вещей, для которых нужно знать или постулировать только значение, указывается треугольник. Треугольник ни в каком смысле не является свойством, при всей широте трактовки понятий ὑλάρχοντα и λάθη, которую Аристотель себе позволяет. Использование треугольника в качестве примера, несмотря на прозрачную аналогию с «Началами» Евклида, противоречит тому, что Аристотель говорит в (76b3–15).

в) Тот же самый пример, что в (а), пример принципа противоречия как того, для чего нужно знать его $\delta\tau\acute{\iota}$ ἔστι (76b20–21), явно подразумевает, что под « $\delta\tau\acute{\iota}$ ἔστι» здесь подразумевается истинность, то есть Аристотель пользуется здесь тем смыслом глагола εἶναι, который он сам в другом месте обозначает «бытие в смысле истины» (*Metaph.* E.2 1026a33–35; 4 1027b17–1028a2).

(На нечто подобное намекают, кажется, и примеры в (76b7–11): Аристотель, описывая отношение элементов-начал доказательного знания к производным его элементам, говорит о том, что нам нужно доказать $\delta\tau\acute{\iota}$ ἔστι для всех производных частей, то есть для всех сущностных свойств, значение которых мы приняли: естественнее понимать это в том смысле, что нам нужно доказать истинность всех этих свойств относительно тех предметов, свойствами которых они являются. Если мы принимаем иную трактовку – нам нужно доказать существование этих свойств – то, помимо того что не очень понятно, как это сделать, выходит, что Аристотель, объясняя, как построить доказательство сущностных свойств, почему-то очень заинтересован указать, что мы должны вывести их существование, но *нигде* не говорит, что мы должны доказать, собственно, их принадлежность рассматриваемым предметам. Однако эти соображения куда более шаткие, чем совершенно очевидный пример в (76b20–21)).

Вместе с тем, другие примеры того, для чего нужно постулировать $\delta\tau\acute{\iota}$ ἔστι, и прежде всего пример единицы в (71a15–17; 72a21–24; 76a34–36; 76b4–5), очевидно, скорее призваны иллюстрировать понимание оборота « $\delta\tau\acute{\iota}$ ἔστι» в смысле существования – прежде всего, потому что совершенно неясно, что могло бы значить постулирование истинности «единицы» или, например, «точек и линий» (76b5) «величины» (76a36) и «числа» (76b18). Таким образом, примеры дают очевидно отличные и несовместимые друг с другом толкования оборота « $\delta\tau\acute{\iota}$ ἔστι».

г) Но даже если брать только последнюю группу примеров того, для чего нужно постулировать $\delta\tau\acute{\iota}$ ἔστι, то есть примеры единицы, числа (как начал арифметики),

точки, линии и величины (как начал геометрии) то они очень плохо уживаются друг с другом.

В (76a34–36) буквально сказано, что началами, для которых нужно постулировать ὅτι ἔστι, являются единица и величина (вероятно, первая — для арифметики, вторая — для геометрии), а для всего остального его нужно доказывать. А это исключает наличие каких бы то ни было других начал — в том числе упоминающийся ниже точек, линий и т.д.

Впрочем, эту проблему вполне можно списать на неаккуратность выражения Аристотеля. Труднее это сделать с другой нестыковкой — с тем фактом, что среди перечисленных примеров начал выделяются две разнородные группы: с одной стороны, наиболее универсальные родовые понятия (число, величина), и с другой, наиболее партикулярные виды: точки, линии, единицы. Так что же из этого является тем видом начал, о которых идет речь? Дело усугубляется тем, что в 76b11–22 прямо несколько раз сказано, что ὅτι ἔστι постулируется только о роде того знания, доказательство которого будет строится (в качестве примера там приводится число для арифметики), что явно исключает все приводившиеся до сих пор примеры единиц, точек и линий.

Это основные несоответствия, которые мы можем наблюдать, если внимательно изучим те примеры, которыми доктрина начал иллюстрируется в I книге «Второй аналитики». Я полагаю, что в совокупности эти несоответствия дают основание для того, чтобы серьезно заподозрить указанные примеры.

б. Следует заметить, что не все указанные в предыдущем разделе противоречия непосредственно касаются именно примера единицы, который является мой основной мишенью в рамках данной работы. Так почему же я концентрируюсь именно на нем? Это связано с тем, что для него, я полагаю, у нас есть дополнительные, и куда более существенные, чем в случае любого другого примера, основания, чтобы заподозрить его неподлинность. А именно, в случае по крайней мере одного из употреблений единицы в качестве примера, иллюстрирующего доктрину начал, я практически абсолютно уверен, что мы имеем дело с интерполяцией — поскольку этот пример вопиюще не соответствует тому тезису, который он должен иллюстрировать. Речь идет о 9 главе II книги «Второй аналитики», которая занимает всего семь строк и которую поэтому можно разобрать вполне подробно, предварительно приведя ее здесь целиком (*An. Post.* II.9 93b21–28):

У одних вещей имеется некая отличная <от них самих> причина, а у других — нет. Таким образом, ясно, что и в случае «что-такое?» <то есть определений вещей> — одни из них являются непосредственными и представляют собой начала, для которых нужно постулировать (либо сделать ясным иным способом) и что они *есть*, и *что* они есть (именно так делает арифметик: ведь он постулирует и *что* есть единица, и что она *есть*), тогда как в случае тех <из определений>, у которых имеется средний термин и у которых есть некоторая отличная <от них самих> причина их сущности — их можно, как мы <только что> сказали, продемонстрировать через доказательство, не доказывая, однако, <их> “что-такое?”¹⁴.

Для понимания того, о чем здесь идет речь, нужно кратко сказать следующее. Как уже было сказано, одним из основных тезисов первой книги «Второй аналитики» является утверждение, что всякое умозаключение, которое можно в точном смысле назвать доказательством, исходит из «начал», посылок, которые в свою очередь не могут быть доказаны и должны быть постулированы (*AnPost* I.2 71b 16ff.). Учение об указанных видах начал пронизывает собой всю первую книгу «Второй аналитики» и к началу второй книги уже является твердо установленным. Первая половина второй книги «Второй аналитики» (главы 1–10) задается странным в контексте указанной доктрины начал вопросом: возможно ли некоторое доказательство одного из указанных видов начал — а именно определений¹⁵? Опустим за неимением места вопрос о том, почему Аристотель вообще решает заняться подобной проблемой. Важно, что после апорематического обсуждения вопроса о возможности некоего доказательства определения (главы 3–7) Аристотель дает в главе 8 (и повторяет в главе 10) частично

положительный ответ на изначальный вопрос: для *некоторых* определений возможно нечто вроде их доказательства — их как бы доказательство (ὅτιον ἀπόδειξις — II.10 94a 1—2), не являющееся доказательством в строгом смысле, однако обладающее некоторыми чертами доказательства — в частности, организованное наподобие силлогизма (являющееся «как бы» силлогизмом, II.8 93a15), то есть имеющее посылки, заключение, три термина, «доказывающееся» через средний термин и т.д. После главы, в которой излагается это странное, запутанное в деталях, и все же, на мой взгляд, достаточно ясное в общих чертах решение, и следует приведенный выше текст главы 9.

Доктрина, излагаемая в данной главе, сама по себе является достаточно странной, однако полностью согласуется с тем, что Аристотель говорил непосредственно выше, в II.8. Общий смысл этой главы, очевидно, таков: если уж мы решили, что одни определения можно «доказывать» (поскольку у них есть отличная от них самих причина — то есть средний термин, ср. II.8 93a3—9), а другие нельзя, то тогда те, которые невозможно доказывать, должны быть в свою очередь в некотором смысле «началами» нашего «как бы доказательства» для тех, которые «доказывать» можно (тогда как последние будут его заключениями, II.10 94a7—9) — а значит, мы, вероятно, должны произвести в их отношении те действия, которые мы производим в отношении начал доказательства в собственном смысле: а именно, постулировать что они *есть* и *что* они есть. Здесь есть как минимум два очень странных момента. Во-первых, весьма причудливым для учения «Второй аналитики» является тезис, что какие-то определения можно доказывать. Во-вторых, следуя за мыслью Аристотеля, мы приходим к тому, что он предлагает постулировать определения для некоторых определений, или точнее, «что-есть?» для некоторых «что-есть?» (тех, которые нельзя «как бы» доказывать) — при этом неясно ни что под этим подразумевается, ни как это должно выглядеть. Однако обе указанные странности весьма надежно вытекают из самой логики текста. Тезис о «доказуемости» некоторых определений — это именно то, что Аристотель отстаивал непосредственно выше, и его появление здесь абсолютно ожидаемо. Утверждение о необходимости постулировать определения для некоторых определений, вне всякого сомнения, малопонятно, но опять же абсолютно ясна логика, в соответствии с которой Аристотель к нему приходит: если у нас есть «как бы» доказательство одного из видов начал (определений), то у этого «как бы» доказательства должны быть, в свою очередь свои «как бы» начала; далее, если мы строим наше «как бы» доказательство по аналогии с доказательством в собственном смысле, то и его «как бы» начала мы должны себе постулировать по аналогии с началами в собственном смысле — а значит, мы должны постулировать для этих начал, которые сами являются указаниями на «что-есть?», именно то, что мы постулируем в случае начал в прямом смысле (I.2 72a 14ff.): и что они *есть*, и *что* они есть (как бы это ни выглядело).

Возможно, именно странность теории, описываемой в данной главе, вкуче с чрезвычайной краткостью является причиной, по которой она почти полностью обойдена вниманием комментаторов. Мне не известно ни одного ее толкового обсуждения: исследователи либо вообще ее не комментируют, либо ограничиваются поверхностным комментарием, либо — чаще всего — ассимилируют высказанные в ней тезисы с обычными для учения «Второй аналитики», полностью игнорируя весьма серьезную проблему. Эта проблема заключается в том, что приводимый пример *не иллюстрирует* тот тезис, который он должен иллюстрировать, и только запутывает ход мысли Аристотеля в этом пассаже. В самом деле, Аристотель говорит, что мы должны постулировать *καὶ εἶναι καὶ τί ἐστὶν* (т.е. что они *есть* и *что* они есть) для определений, тогда как в приводимом далее примере *εἶναι καὶ τί ἐστὶν* постулируется для *единицы*, которая, разумеется, сама по себе ни в каком виде *не является* определением. Я полагаю, что это указывает на то, что автор, поместивший в текст данный пример, плохо понимал тезис, который он пытался проиллюстрировать, — что указывает на то, что этим автором не был сам Аристотель.

Рассмотрим сам этот пример подробнее. Во-первых, едва ли можно сомневаться в том, что имеющийся текст предлагает этот пример не как иллюстрацию того, как для чего-то постулируется *εἶναι καὶ τί ἐστὶν* в принципе (что в какой-то мере отводило бы

от него подозрения), но именно как прямую иллюстрацию предшествующего тезиса — на это прежде всего надежно указывают слова, что арифметик поступает «*именно так*» (ἄτερ); кроме того, общая иллюстрация тезиса о том, что именно постулируется для начал, была бы просто неуместна в данном контексте. Во-вторых, следует обратить внимание на то, что текст этого примера грамматически никак не связан с окружающим его текстом — Беккер и Вайц [Waitz 1846, II, 60] даже помещают его в своих изданиях в отдельный период, тогда как Росс [Ross 1949] выносит его в скобки. В-третьих, текст этого примера не просто не связан с окружающим текстом, но прямо разрывает относительно связный период, будучи помещен в его середину — особенно это заметно опять же в изданиях Беккера и Вайца (последний даже особо отмечает [Waitz 1846, II, 397] грамматическую неуклюжесть периода), где «τὸν τί ἐστὶ τὰ μὲν ἄμεσα...» просто подвисает в воздухе, будучи прервано периодом с этим примером и не найдя логического завершения ни в каком подобии «τὰ δ' ἔχοντα μέσα...» вплоть до следующего периода. Все это вкупе с тем принципиальным фактом, что этот пример не является примером того, что он должен иллюстрировать, я полагаю, выдает в нем интерполяцию. Если же это так, это увеличивает вероятность и того, что в других местах, где мы встречаем этот пример для иллюстрации схожих доктрин, он является интерполяцией (хотя и не гарантирует этого полностью).

7. Полноценное объяснение проблем, которые текст «Второй аналитики» демонстрирует в области примеров, иллюстрирующих доктрину начал доказательного знания, потребовало бы, во-первых, не ограничиваться только примером единицы (раз уж я утверждаю, что проблема не только в нем), а во-вторых, объяснить мотивы редактора, поместившего эти примеры на те места, на которых они обнаруживаются. К сожалению, для всего этого у меня просто не остается места. Однако некоторые предположения здесь я все же могу высказать — начиная с предположения о том, почему предполагаемый интерполятор решил использовать с таким упорством именно пример единицы, который встречается при объяснении учения о началах чаще, чем какая-либо иная иллюстрация.

Я могу предположить, что причиной тому то, что этот пример употребляется в контексте связанного с началами обсуждения в 32 главе I книги (88a30–34). В этой главе Аристотель пытается показать, что одни и те же начала не могут использоваться для всех наук, и в каждой из наук должны быть в том числе и свои уникальные начала. Один из аргументов здесь заключается в том, что некоторые начала принадлежат к разным родам и одни из них «не подходят» (οὐκ ἐφαρμόττουσιν) к другим, подобно тому как единицы не подходят к точкам, потому что у первых нет пространственного положения, а у вторых оно есть. Это замечание могло быть расценено как предлагающее именно пример начал доказательного знания, точнее, даже два примера — единицы и точки (именно эти два примера обнаруживаются в (76b4–5); здесь к ним также прибавлен пример линии, что вполне разумно, учитывая общеантичный взгляд, что линии не состояются из точек); если допустить, что у нашего гипотетического редактора не было других примеров начал, от которых он мог отталкиваться (за исключением, может быть, 76b18), то неудивительно, что во всех прочих местах, где иллюстрируется доктрина начал доказательного знания, мы встречаем именно пример единицы — повсеместно использовать засвидетельствованный в тексте и, таким образом, надежный, пример начала и отталкиваться далее уже от него в таком случае было бы по-своему вполне разумно.

Вместе с тем, я полагаю, что указанный пример вовсе не является примером в собственном смысле начал: Аристотель говорит, что начала в разных родах «не подходят», или точнее, «не могут быть присоединены» (οὐκ ἐφαρμόττουσιν) друг к другу, «подобно тому как единицы не могут быть присоединены к точкам» (οἷον αἱ μονάδες ταῖς στίγμαῖς οὐκ ἐφαρμόττουσιν) — вполне вероятно, что это вообще не пример того, как одни начала не могут быть присоединены к другим, но в целом иллюстрация того, как одни вещи не могут присоединяться к другим — то есть мы имеем здесь дело не с примером (единицы и точки — это не подходящие друг к другу начала),

а с аналогией (некоторые начала не могут соприкасаться так же, как не могут соприкасаться единицы и точки).

Если все действительно так — то есть наш гипотетический редактор использовал пример единицы как начала доказательного знания, поскольку обнаружил этот пример в I.32; при этом в действительности в I.32 единицы и точки приводятся не в качестве примера, а в качестве аналогии — то это дает возможность частично разрешить еще одну старую проблему «Второй аналитики». Дело в том, что в тексте этого трактата «началами» доказательства называются то посылки, то термины — самым ярким примером последнего является как раз уже обсуждавшаяся глава I.10. Возможно, именно в упоминании единиц и точек в I.32, не предполагавшемся в качестве примера начал, но пониманием так редактором, следует искать причину этого расхождения. Если из I.32 был сделан вывод, что единица и точка — это начала, то из этого вывода следует, что начала — это термины. Если далее примеры, иллюстрирующие доктрину начал, прилагались редактором на основании этого представления, то неудивительно, что они имеют такой характер. Характерно, что понимание начал как терминов можно в основном почерпнуть именно из примеров. В 71a11–17 и в 76b 2–22 не говорится прямо, что тем, о чем идет речь, являются именно начала. 76a31–36, где прямо говорится, что речь о началах, представление о том, что речь идет о началах-терминах, следует исключительно из примеров; если мы предположим, что все, что следует после «οἶον» в b34 (то есть весь пример) является интерполяцией, то имеющийся текст не просто совместим с пониманием начал как посылок, но даже предполагает скорее именно такое понимание: здесь говорится, что значение — как начал, так и того, что из них следует, — нужно постулировать; а «ὅτι ἔστι» (который в этом случае легко интерпретировать как «факт истинности») для начал — постулировать, а для остального — доказать. 72a14–24, в свою очередь, прямо предполагает понимание начал как посылок.

Итак, вот мои аргументы. Нам известно, что неавторская редакция текстов Аристотеля вероятна. В случае «Второй аналитики» она вероятнее, чем в случае других трактатов. Примеры — как раз сфера, где следует ожидать редактуры. Примеры, которыми иллюстрируется доктрина начал, явно противоречат друг другу. В случае самого частого из этих примеров — примера единицы — мы имеем по крайней мере одно место, в случае которого можем быть почти уверены в интерполяции, что дает нам дополнительное основание заподозрить и другие случаи его употребления. Мы можем также предположить, откуда был взят пример единицы предполагаемым редактором и почему он так упорно им использовался.

Это рассуждение далеко от идеального. Помимо того, что оно слишком легкомысленно обходится с целостностью текста, оно не объясняет некоторые вещи: откуда взялись примеры «числа» и «величины» как того, для чего нужно постулировать существование? Если в (76b3–22) речь идет не о началах, то о чем? В целом какие из примеров в разбиравшихся местах следует считать подлинными, а какие нет и почему? В часть из этих вопросов я не имею возможности вдаваться за отсутствием места, часть из них я не решил их для себя пока и сам. Но общий подход кажется мне заслуживающим внимания и в имеющихся чертах.

Примечания

¹ Собрание большинства релевантных свидетельств в английском переводе см.: [Sharples 2010, 24–28].

² Еще Целлер [Zeller 1879, 146–153] достаточно убедительно показал доступность как минимум философам Перипата большинства трудов Аристотеля еще в конце III века до н.э., то есть задолго до издания Андроника. Насчет их доступности стоикам и эпикурейцам см. перечисленные античных источников и работ второй половины XX в.: [Lord 1986, 140]; наиболее свежую, хотя и очень краткую формулировку этой позиции с перечислением новейших источников можно найти в работе [Lefebvre 2016, 44]. Ко второй половине XX в. уже не было ни одного исследователя, который бы полностью или даже по большей части верил в историю полной

утраты и последующего чудесного обретения акроаматических текстов Аристотеля. Вопрос только в степени недоверия, которая варьируется от утверждений, что в указанных сообщениях (прежде всего, у Страбона) в той или иной мере преувеличена значимость найденных у потомков Нелея в Скеписе книг (например: [Grayeff 1956, 105–110; Tarán 1981, 723–731]) до утверждения, что вся история с путешествиями библиотеки — целиком выдумка АPELLИКОНА, у которого, согласно нашим скудным сведениям о нем, действительно имелась определенная склонность к авантюрам и подлогу [Gottschalk 1972, 337–341]. Новые аргументы в пользу аутентичности истории об утрате (по крайней мере, частичной) и обретении библиотеки Аристотеля см.: [Primavesi 2007]; впрочем, даже если Примавези прав насчет того, что некоторые книги Аристотеля не находились в обращении в эллинистический период (а его тезис основывается на множестве предположений, которые раскритиковал Барнс и которые сам Примавези никак не подкрепляет: что каталог Диогена — это опись собрания Александрийской библиотеки; что мы можем быть уверены в том, что «римское издание» I в. до н.э. имело место и пр.), то, по его собственному мнению, это верно только в случае тех книг, которые отсутствуют в каталоге Диогена Лазертского, тогда как «Аналитики», которые будут интересовать нас здесь в первую очередь, к таковым не относятся — см. прим. 10.

³ Аргументы в пользу скептической оценки роли Андроника в трансляции текста корпуса Аристотеля см., прежде всего, в работе [Barnes 1997, 21–66].

⁴ Имеющийся перед нами текст, как отмечал еще Целлер [Zeller 1879, 138–141], совсем не вяжется со свидетельством Страбона о сильно поеденных червями книгах, в которых АPELLИКОН произвольно заполнял лакуны.

⁵ Скорее всего, Михаил Эфесский.

⁶ Впрочем, не все согласны с надежностью и даже авторитетностью этой информации; см.: [Menn 1995].

⁷ Прежде всего, Йегер [Jaeger 1912, 174, 180; Jaeger 1957, 1].

⁸ См.: [Primavesi 2012, 409 ff.]. Главные представители традиции α — кодексы E и J; традиции β — кодекс A^b.

⁹ Я ориентируюсь прежде всего на исследование [Williams 1984].

¹⁰ В пользу этого указывает, что уже в каталоге Диогена Лазертского, который Моро, на мой взгляд, весьма убедительно возводит к раннему Ликейю [Moraux 1951, 237–247], присутствуют бок о бок «Первая аналитика» и «Большая вторая аналитика»; несмотря на различие в количестве книг в случае первой и в деталях заголовка в случае второй мы можем быть почти полностью уверены, что это именно наши «Аналитики» ([Moraux 1951, 87–88], *pace* [Barnes 1997, 42–43]), который, утверждая, что наша *An.Pr.* не могла бы быть разделена на девять книг, не приводит для подкрепления этого тезиса никаких доводов, и приводит весьма слабый довод в пользу отличия произведения в списке Диогена от нашей *An.Post.*). Дополнительными свидетельствами в пользу раннего происхождения «Аналитик» как текста является очевидное знакомство эллинистических школ с логической доктриной Перипата [Barnes 1997, 14–15; Frede 2000, 774–776; Bénatouil 2016, 63–66; Verde 2016, 41–43] и в особенности прямое упоминание «Аналитик», судя по всему, самим Эпикуром (либо эпикурейцами первого поколения) в одном из писем, сохранных для нас Филодемом в своей книге «О тех, кто называет себя знатоками книг» [*PHerc.* 1005/862 = Arrighetti 1973 fr. 127].

Следует заметить, однако, что даже если «Аналитики» были в целом известны и читались в античности задолго до издания Андроника (если мы все же признаем, что родосцу можно приписывать некое отдельное издание), ничто не гарантирует, что перед эллинистическими читателями был *в точности* тот же текст, что вошел в издание Андроника: вместе с иным делением на книги издатель мог привнести определенные изменения и в сам текст. В тех же случаях, которые я обсуждаю в данной статье, речь идет о крайне незначительных с точки зрения объема текста, но имеющих весьма далеко идущие теоретические последствия интерполяциях.

¹¹ Готтшальк [Gottschalk 1972, 335–337], анализируя завешания первых четырех схолахов Перипата, высказывает предположение, что Феофраст оставил свою библиотеку (в которую, по общему свидетельству всех античных источников, входила и приобретенная им от Никомаха библиотека Аристотеля) Нелею именно потому, что тот, будучи последним из живых перипатетиков, учившимся еще непосредственно у Аристотеля, оказался единственным, кто был в состоянии разобрать архив и отделить работы Аристотеля от работ самого Феофраста — предположительно с целью их последующего издания. Готтшальк, впрочем, полагает, что Нелей умер прежде, чем успел завершить эту работу.

¹² [Primavesi 2012] считает, что β-редакция «Метафизики» составлялась с использованием комментария Александра Афродисийского, и таким образом, не могла появиться ранее III в. н.э. Если он прав, то весьма активное редактирование текстов Аристотеля продолжалось в том числе спустя несколько веков после издания Андроника (опять же, если таковое вообще имело место).

¹³ [Primavesi 2012, 436–437] считает, что здесь мы имеем дело не с интерполяцией со стороны α-версии, но, напротив, удалением части текста редактором β-версии. В данном случае (в отличие от большинства прочих) его аргументы, однако, кажутся мне весьма слабыми.

А именно, Примавези считает, что редактор β-текста правил его, основываясь на тексте комментария Александра (и подтверждает это многочисленными примерами); в парафразе же Александра на это место этот пример опущен — что вкупе с небольшой грамматической ошибкой, делающей пример в том виде, в каком он дошел до нас в α-версии текста, трудночитаемым, и заставило β-редактора его исключить. Однако, во-первых, грамматическая неловкость, содержащаяся в этом месте текста, легко устраняется простым исключением частицы ἢ (что сам Примавези и делает), и сложно представить себе редактора, который предложил бы в этом месте такую радикальную правку, как исключение целой фразы, там, где достаточно исключения одной буквы; а во-вторых, сам же Примавези указывает, что, хотя Александр не обсуждает в своем парафразе указанного примера, он явно говорит, что Аристотель *приводит* пример — так что было бы странно ожидать от β-редактора атетировать этот пример, если он действительно основывался в своей редакции на свидетельствах комментария Александра (Примавези предполагает, что β-редактор не заметил этого свидетельства Александра — и указывает что ту же ошибку совершил даже сам Йегер, однако эта ссылка на авторитет дает ему очень мало — в конце концов, Йегер — в отличие, по мысли Примавези, от β-редактора — не брал текст Александра за основу своей редакции «Метафизики»). Кроме того, интерполяция примера в текст при прочих равных всегда более вероятна, чем его исключение из текста.

¹⁴ Ἔστι δὲ τῶν μὲν ἕτερον τὸ αἴτιον, τῶν δ' οὐκ ἔστιν. ὥστε δῆλον ὅτι καὶ τῶν τί ἐστι τὰ μὲν ἄμεσα καὶ ἀρχαί εἰσιν,

ἃ καὶ εἶναι καὶ τί ἐστὶν ὑποθέσθαι δεῖ ἢ ἄλλον τρόπον φανερὰ ποιῆσαι (ὅπερ ὁ ἀριθμητικὸς ποιεῖ· καὶ γὰρ τί ἐστὶ τὴν μονάδα ὑποτίθεται, καὶ ὅτι ἔστιν)· τῶν δ' ἐχόντων μέσον, καὶ ὧν ἔστι τὸ ἕτερον αἴτιον τῆς οὐσίας, ἔστι δι'

ἀποδείξεως, ὥσπερ εἶπομεν, δηλῶσαι, μὴ τὸ τί ἐστὶν ἀποδεικνύοντας (здесь и далее перевод мой).

¹⁵ Строго говоря, основной вопрос состоит в том, можно ли в каком-то смысле доказать «что-такое?» (τί ἐστι) вещи (*AnPost* II.3 90a35-38); однако, учитывая, что определение — это указание на «что-такое?» вещи (II.10 93b29), а также то, что Аристотель сам неоднократно уравнивает в ходе своего обсуждения τί ἐστι и ὀρισμός, выбранная мной формулировка является, я полагаю, более, чем допустимой.

Источники и переводы — Primary Sources and Translations

Arrighetti, Graziano, ed. (1973) *Opere: Epicuro*, Einaudi, Turin.

Jaeger, Werner Wilhelm, ed. (1957) *Aristotlis Metaphysica*, e typographeo Clarendoniano, Oxonii.

Primavesi, Oliver (2012) “Metaphysics A: A New Critical edition with Introduction”, *Aristotle's Metaphysics Alpha: Symposium Aristotelicum*, ed. by Carlos Steel, Oxford University Press, Oxford, pp. 385–516.

Ross, William David, ed. (1949) *Aristotle's Prior and Posterior Analytics: a Revised Text with Introduction and Commentary*, Clarendon Press, Oxford.

Waitz, Theodor, ed. (1846) *Aristotelis Organon graece*, Vol. II, Sumtibus Hahniansis, Lipsiae.

Ссылки — References in Russian

Юнусов 2018 — Юнусов А.Т. Гипотезы как предикативные начала доказательного знания во «Второй аналитике» Аристотеля // Историко-философский альманах. 2018. Т. 6. С. 81–97.

References

Barnes, Jonathan (1997) “Roman Aristotle”, *Philosophia Togata II: Plato and Aristotle at Rome: Plato and Aristotle at Rome*, ed. by Jonathan Barnes, Oxford University Press, Oxford, pp. 1–69.

Bénatouïl, Thomas (2016) “Aristotle and the Stoa”, *Brill's Companion to the Reception of Aristotle in Antiquity*, ed. by Andrea Falcon, Brill, Leiden & Boston, pp. 56–75.

Frede, Michael (2000) “Epilogue,” *The Cambridge History of Hellenistic Philosophy*, ed. by Keimpe Algra, Jonathan Barnes, Jaap Mansfeld, Malcolm Schofield, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 771–797.

Gottschalk, Hans B. (1972) “Notes on the Wills of the Peripatetic Scholarchs,” *Hermes*, Vol. 100 (3), pp. 314–342.

Grayeff, Felix (1956) “The Problem of the Genesis of Aristotle's Text,” *Phronesis*, Vol. 1 (2) (1956), pp. 105–122.

Grayeff, Felix (1974) *Aristotle and His School: An Inquiry into the History of the Peripatos*, Barnes & Noble, New York.

Harlfinger, Dieter (1979) “Zür Überlieferungsgeschichte der Metaphysik”, *Études sur la Métaphysique d'Aristote*, éd. by Pierre Aubenque, Vrin, Paris, pp. 7–36.

Iunusov, Artem T. (2018) “Hypotheses as Predicative Principles of Demonstrative Knowledge in Aristotle’s *Posterior Analytics*”, *Istoriko-filosofskii almanakh*, 2018, Vol. 6, pp. 81–97 (in Russian).

Jaeger, Werner Wilhelm (1912) *Studien zur Entstehungsgeschichte der Metaphysik des Aristoteles*, Weidmannsche Buchhandlung, Berlin.

Lefebvre, David (2016) “Aristotle and the Hellenistic Peripatos: From Theophrastus to Critolaus”, *Brill’s Companion to the Reception of Aristotle in Antiquity*, ed. by Andrea Falcon, Brill, Leiden & Boston, pp. 13–34.

Lord, Carnes (1986) “On the Early History of the Aristotelian Corpus”, *The American Journal of Philology*, Vol. 107 (2), pp. 137–161.

Menn, Stephen (1995) “The Editors of the *Metaphysics*”, *Phronesis*, Vol. 40 (2), pp. 202–208.

Moraux, Paul (1951) *Les listes anciennes des ouvrages d’Aristote*, Éditions universitaires de Louvain, Louvain.

Primavesi, Oliver (2007) “Ein Blick in den Stollen von Skepsis: Vier Kapitel zur frühen Überlieferung des Corpus Aristotelicum”, *Philologus*, Vol. 151 (1), pp. 51–77.

Sharples, Robert W. (2010) *Peripatetic Philosophy, 200 BC to AD 200: An Introduction and Collection of Sources in Translation*, Cambridge University Press, Cambridge.

Tarán, Leonardo (1981) “Review of Der Aristotelismus bei den Griechen von Andronikos bis Alexander von Aphrodisias. 1. Band: Die Renaissance des Aristotelismus im 1. Jh. v. Chr”, *Gnomon*, Vol. 53 (8), pp. 721–750.

Verde, Francesco (2016) “Aristotle and the Garden”, *Brill’s Companion to the Reception of Aristotle in Antiquity*, ed. by Andrea Falcon, Brill, Leiden & Boston, pp. 35–55.

Williams, Mark F. (1984) *Studies in the Manuscript Tradition of Aristotle’s Analytica*, Hain, Königstein/Ts.

Zeller, Eduard (1879³) *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Aristoteles und die alten Peripatetiker*, O.R. Reisland, Leipzig.

Zürcher, Josef (1952) *Aristoteles’ Werk und Geist*, Verlag Ferdinand Schöningh, Paderborn.

Сведения об авторе

ЮНУСОВ Артем Тимурович — научный сотрудник сектора истории западной философии Института Философии РАН.

Author’s information

IUNUSOV Artem T. — Research fellow. Institute of Philosophy RAS.